

Олег Асиновский

Деревенские
ПЕСНИ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Олег АСИНОВСКИЙ

Деревенские песни

НП «Центр современной литературы»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Асиновский О.

Деревенские песни / О. Асиновский — НП «Центр современной литературы», 2019 — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»)

ISBN 978-5-91627-225-3

Мегатекст Асиновского называют «голосающими глыбами гранита», «сводом иероглифов», «дневником наблюдений за погодой», просветленным названием и «перечислением предметов», «стремительным созерцанием», «диалогом души и тела», странным молитвословом и сборником псалмов, «верлибрами для пения», «новым Афанасием Фетом», «медитативным бормотанием» и т. п. Любая формулировка верна. Олег Асиновский живет каждодневным стихотворчеством, живет благодаря ему, потому что ничего другого в материальном мире у него не осталось. И в этом отшельническом труде проступает сила поэзии, которая в состоянии помочь не только ему, но и другим. Родился в 1964 году в Москве. Публикуется с конца 1980-х. Автор девяти книжек стихов. Лауреат премии «ДРУГИЕ» (2010 год). Член Союза российских писателей. Член Союза писателей Москвы.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-225-3

© Асиновский О., 2019
© НП «Центр современной литературы», 2019

Содержание

О стихах Олега Асиновского	9
Деревенские песни	23
Ноябрь	23
Озеро	24
Иней	25
Снежинка	26
Сон	27
Ночь	28
Одуванчик	29
Дождь	30
Зверь	31
Ёлка	32
Маленький	33
Лицо	34
Остров	35
Праздник	36
Вяз	37
Листок	38
Вечер	39
Мама	40
Тень	41
Лиственница	42
Снегирь	43
Небо	44
Светлячок	45
Подсолнухи	46
Опушка	47
Ромашки	48
Вид на жительство	49
Ветер	50
Ноябрь	51
Дверца	52
Пощада	53
Вифлеем	54
Утро	55
Зима	56
Море	57
Ямка	58
Домик	59
Гора	60
Музыка	61
Облако	62
Сосна	63
Евхаристия	64
Святки	65
Прятки	66

Ласка	67
Земляника	68
Вечеря	69
Стыд	70
В день ангела	71
Холокост	73
Ню	75
Лазарь	76
Ностальгия	77
Жена	79
Семья	80
Любовь	81
Родители	82
Пятидесятница	83
Венчание	84
Вижу и ужасаюсь	85
Счастье	87
Любовь	88
Вид на жительство	89
Дивеево	90
Молитва	91
Праздник	93
Россия	95
И так далее	96
Мама	97
Монах	98
Дивеево в декабре	99
Близость	101
Декабрь	103
Молчание	105
Церковь	107
Симеон	109
Близость	110
Монастырь	112
В декабре	113
Рождество	114
Декабрь	115
Январь	117
Исповедь	118
Святки	119
Блаженство	120
Обрезание	122
Канавка	123
Крещение	125
Дураки	126
Холокост	127
Прогулка	128
Иконка	130
Монашка	132

Монашек	133
Жена	134
Монастырь	135
Перед причастием	137
После причастия	139
Снег	140
Еврейское кладбище	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

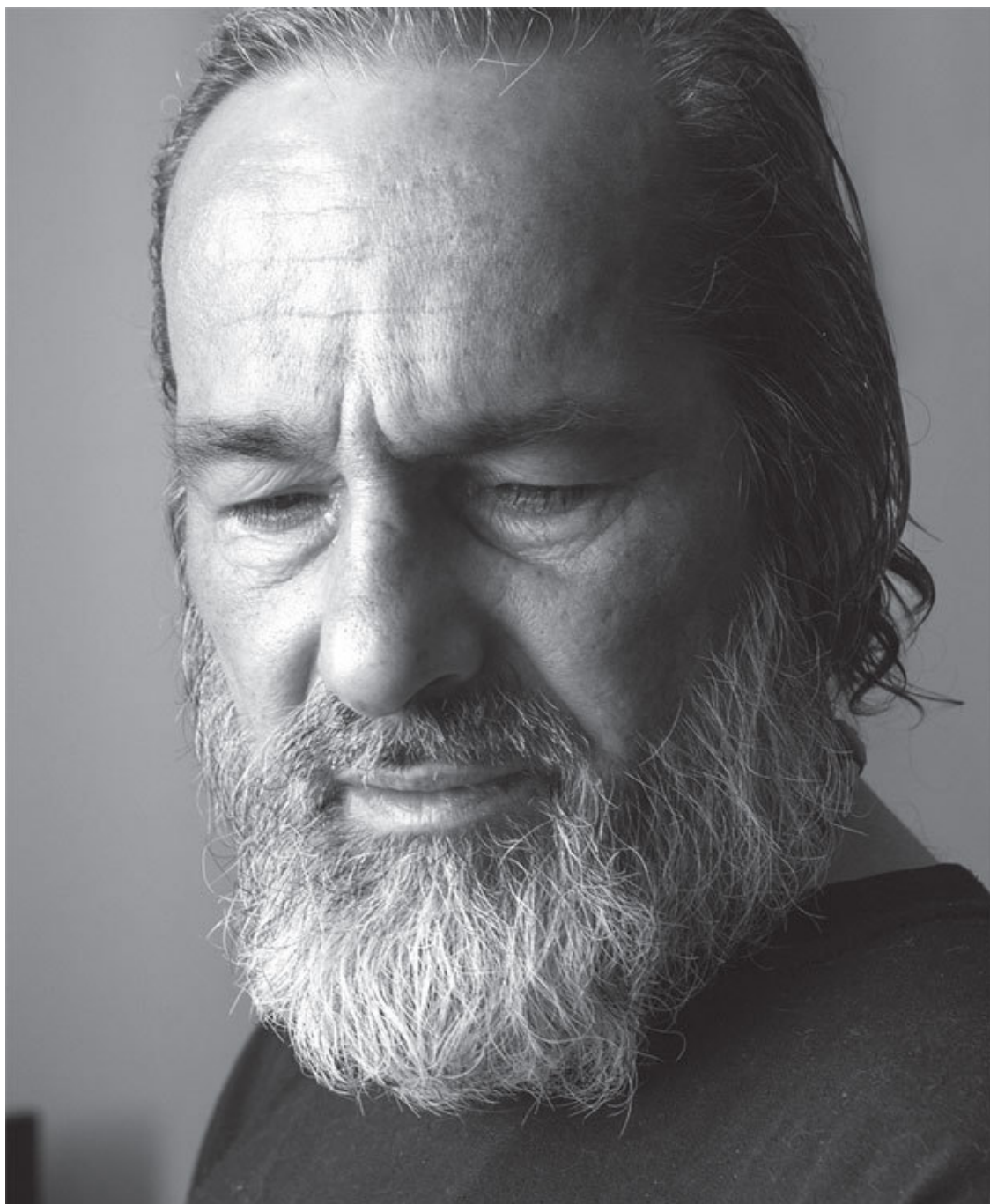
Олег Асиновский **Деревенские песни**

Марусе

Иллюстрации Василия Бородина
Фото Ольги Беловой

© О. Асиновский, текст, 2019
© Б. Агрис, Д. Бавильский, А. Горбунова, С. Красовицкий, С. Круглов, М. Малиновская,
Ю. Петкевич, И. Риссенберг, Ф. Сваровский, Э. Сокольский, Т. Щербина, предисловие, 2019
© В. Бородин, иллюстрации, 2019
© Русский Гулливер, издание, 2019
© Центр современной литературы, 2019

* * *

О стихах Олега Асиновского

Богдан Агрис

Господь наш Иисус Христос обещал нам, что если свидетели истины умолкнут, то камни возопиют. Свидетели умолкли. Истина больше никому не нужна. Так вот – поэзия Олега Асиновского – голосащие глыбы гранита, нашпигованные истиной и совестью. Блистательное сочетание ходов архаической, ритмо-песенной поэтики и конструктивистского принципа сочетания словесных блоков, в силу своей внутренней спаянности и повторяемости имеющие функцию не украшений, а несущих элементов стиха.

Но удивительно не это. Удивительно, как автор с блеском и невероятной, редко случающейся виртуозностью, укладывает в прокрустово ложе своего принципа и тончайшую личную исповедальность, и утончённость высоких схоластических рассуждений. Впрочем, оставим проблемы чистой поэтики.

Олег Асиновский – прежде всего наш глубоко душевный и строгий собеседник. И беседа, в которую мы благодаря стихам Олега вовлекаемся, ведёт нас к самым основаниям мировых глубин и к самой сердцевине того, что мы обычно называем совестью. А кроме того, я автора очень люблю. Читайте, читайте Олега Асиновского!

Дмитрий Бавильский

В тихих стихах Олега Асиновского существенна легкая асимметрия, будто не особенно настаивающая на рифме, возникающей как бы исподволь – так в утреннем окне проявляются особенности ландшафта, не замеченные ночью, уголки да закоулки, линии холмов, спускающихся к реке или прячущихся в лесу. Асиновскому важны покой и вписанность в природу. Поэзия его культурна и изоцирена постоянными сдвигами в разные стороны – от аккуратной традиции к осторожной новации, без акцентов на форму. Асимметрия этих стихов растёт именно отсюда – из попыток современного человека растворится в спокойном ландшафте, соразмерном себе и доброжелательному взгляду. «Деревенские песни» можно воспринимать как дневник наблюдений за погодой и сменой времён года, именно этим они мне особенно приятны.

Алла Горбунова

СОЛНЦЕ, ЗВЁЗДЫ И РАДУГИ

Стихи Олега Асиновского похожи на одно огромное, бесконечное стихотворение, стихотворение-мир. Начала и концы этих стихов условны, недаром они периодически заканчиваются хлебниковским «и так далее». Это стихотворение-мир состоит из вполне определённых, повторяющихся первоэлементов – строительных кирпичиков: самое последнее маленькое небо, душа и тело, явления светлой преображённой природы, времена года, времена суток, Луна, Солнце, звёзды, радуги, домик, числа три, девять и сорок, дева Мария и сын, папа и мама.

Эти первоэлементы поэтического мира – формулы, своего рода сжатые смысловые иероглифы, в которые спрессован духовный и экзистенциальный опыт, а также целые пласты культуры. Это и блаженство на лоне природы, и потеря, разлука, печаль, одиночество, бездомность, и одновременно – принятие и просветление их, благодарность, в которой раскрывается счастье.

Эти вновь и вновь построенные из одних и тех же кирпичиков стихи высветляются и преображаются изнутри благодаря чистоте и заострённости лирического чувства.

В своих стихах Олег Асиновский описывает одновременно природу и духовную реальность. Эта природа условна, она как будто нарисованная, как в мультфильмах. И в том, как пишет поэт, в этой светлой и красочной детской иконописи то и дело прорываются заострённые линии, напоминающие об экспрессионизме, или чёрточки, вызывающие в памяти французскую поэзию, наследующую традиции «прóклятых».

Стихи Асиновского обращаются к апофатике – он то и дело перечисляет отрицания взаимоположенных предикатов: не светло не темно, день не осенний не весенний не зимний не летний, и не сон и не явь, не этот не тот свет на стене. Тем самым он указывает на то, что происходит в стихе, на его сокровенную реальность – через отрицание. Мы не можем однозначно назвать что именно и где происходит в этих стихах, там, на сверхтонких уровнях духовной жизни, куда добирается поэт, – приходится лишь указывать на это, отрицая всё привычное и однозначное. Мы не можем сказать, какой свет – только, что не тот и не этот. На этом последнем маленьком небе разворачиваются сложные, ускользающие от рассудочного понимания отношения между вещами и персонажами, между душой и телом, душой и Богом, мамой и сыном, и разными тонкими чувственными и мысленными образованиями.

Эти стихи надо перечитывать много раз – они слишком богаты в своей простоте. В них так много чистого, блаженного воздуха, что, как ребёнок от избытка впечатлений, – от него погружаешься в райский сон-обмороч, в тот самый лермонтовский, когда в груди дремлют жизни силы, а над спящим склоняется и шумит тёмный дуб. И тебя спящего уносит туда, на это странное последнее самое маленькое и самое близкое к Богу небо речь-ворожба, речь-заговор; смотришь – и узнаёшь.

Станислав Красовицкий (иерей Стефан)

Стихи моего друга Олега Асиновского не нуждаются в комментариях, как не нуждается в комментариях просто предмет.

И в этом ключ к поэзии Асиновского...

Когда в детстве я читал Робинзона Крузо, то наибольшее впечатление на меня произвело перечисление предметов, которые Робинзон добывает с разбитого корабля. Конечно, для того, чтобы простое перечисление предметов произвело впечатление, нужна «подкладка» всего остального.

Если художественное произведение ниже простого перечисления предметов – то это не искусство (сколько не украшай его образами, настроениями и «глубокими мыслями»).

Истинная религия и истинное искусство близки.

Гилберт Честертон пишет: «Конечно мне скажут: «Что за бред? Неужели вы действительно думаете, что поэт не может радоваться травке или цветку, если не связывает их с Богом, более того – с вашим Богом? А я отвечу – да, да может».

Потому-то Олег Асиновский видит предмет. Потому перечисление предметов, как в Робинзоне Крузо, делает его поэзию поэзией.

Сергей Круглов (иерей Сергей)

Священных Писаний, в которых написано Человекобожье, – много.

Есть Священное Писание Библия; есть Священное Писание природа; кроме этих, декларированных еще в древности св. отцами Церкви, есть Священное Писание нутрь человеческая, есть и Священное Писание культура. Все эти книги имеются в библиотеке Олега Асиновского,

и читатель оных он – прилежный, вежественный, страстный как любовник, глуховатый к внешним мусорным помехам чтению как тетерев на весеннем току.

«Стремительное созерцание» – если увлеченно кроить и лепить маркеры на стили, места (по Розанову) засосов Божиих на вещах, то этот – Асиновского.

...
И кони летят на бледа коня
И небо в конях снегирях соловьях
Братьях и сестрах женихах и невестах
И ветрено снежно на этом свете
И тёплый на том дождик поёт
...

Книга «Деревенские песни», – аксиа!

Когда говорят и пишут о стихах и поэтах, часто разглядывают: на кого похож. Нет, не считаю это детской пустой забавой (разве что – «игрой», в хёйзинговском высоком смысле), – но знаком того, что всё на свете недетерминировано и свободно, но при том – неслучайно и связано со всем (у Натальи Трауберг приведено: мы смотрим на всё и недоумеваем и мучаемся, видя какие-то узелки, петельки, бессвязные шерстинки и фиговинки, но лишь потому, что смотрим на изнанку, но зайдём на лицевую сторону – а там великолепный полный Смысла узор, вышиваемый ангелом).

На что похожи «Деревенские стихи»? Для меня – на много что; не выбираю. Но назову первое и ярчайшее пришедшее: Сан Хуан де ла Крус:

...
Поднимемся по склонам
тропами, проторенными лавиной
к пещерам потаенным
и в колыбели львиной
откупорим гранатовые вина
...

Асиновский:

...
Далеко заводишь
На самом последнем
Маленьком небе

И что помнится то происходит
Заново и память
Забывается и она настигает
И когда отпускает
К тебе господи

Прочь не гонишь
Непрошеную гостью
И чаровницу не привечаешь

Черницу черницу
Чернец чернец
И не отличает себя от тебя
Девочка в небо
Подброшенная тобой
...

И так далее; как в позапрошлом веке ставили на последних страницах «Училищ благочестия» – «конец бесконечен».

Созерцание Асиновского – не буддийское погружение через себя в ничто, сквозь которое летит ветер, идет ночной снег, растет дитя или трава: это активное христианское делание-в-исихии.

Духовны ли его стихи? Духовны в том значении, в каком тёпл дух-пар из ноздрей изюбря, страстно зовущего сквозь ночь тайги великолепную самку.

А еще не удержусь – на кого похож сам Олег Асиновский (тут вспомним, что начали – с библиотеки): на ослика-библиобурро; на таких осликах в Колумбии сквозь непроходимые джунгли и горы доставляют книги из специально устроенной библиотеки в удаленные деревни и обратно. Книги всегда доставляются в сохранности; знает себе библиобурро одну свою тропинку туда-назад, несет себе Весть, присоединяя к ней, вживляя в нее всё, встреченное на пути, в заиндевелых морозных цветущих чащах сущего.

Мария Малиновская

Поэзии Олега Асиновского свойственна текучесть речи, непрерывное внутреннее движение на смысловом и звуковом уровнях. Здесь свой синтаксис, определяемый больше морфологией и значением слов, чем нормами языка. Многие из них присоединяют другие, исходя исключительно из собственной смыслозвуковой валентности, уникальной в каждом случае и тем самым образующей неповторимый смыслозвуковой рисунок текста.

...и птаха

С травы срывается вниз открывается
Вид на туман и росу птахе растут

Капли дождя в облаках берегах...

Непереходные глаголы обрастают у Асиновского объектами действия, а те, в свою очередь, продолжают свой синонимический ряд до полного растворения в звучании-отзвуке или незаметно передают смысл на новый виток раскрытия, которое в этих стихах бесконечно.

Ниже ручья пустыня звезда
В пустыне горит и птица летит
По ручью поднимаясь над клювом крылами

Такой способ говорения сообщает текучесть и образному уровню, превращая его, а вместе с тем и весь художественный мир этих текстов в нерасчленимое единство всего со всем. В этом отношении необходимо отметить актуальную в современной поэзии в целом проблему телесности, которая, таким образом, осмысливается у Асиновского весьма своеобразно.

Начнём хотя бы с того, что тело упоминается в книге около пятисот раз. И почти всегда (за редкими исключениями) выступает коррелятом души, что само по себе не является ничем необычным (напротив), однако суть этой корреляции – ключевая особенность рассматриваемой поэтики. Тело и душа здесь проходят все стадии разделения, сопряжения и, что наиболее важно, уподобления – когда одно является эквивалентом другого или когда они обмениваются качествами. «Однажды себя / Душа не душа / Тело не тело»; «Душа повторяла / Движения тела»; «День позади тела души». Наиболее показателен с этой точки зрения объёмный, выполненный в не характерной для автора манере текст «Монах»: «...плоть и душа словно цветы плоти души богородица и тело душа девы цветка а в теле в душе и в деве цветке в этих цветах а не в небесах младенец...»

Отдельный интерес представляют случаи, когда «межличностные отношения / Души и тела» развиваются исключительно на графическом уровне, который меняет изначальный смысл некоторых синтагм:

Душу вспугнуло
Тело душа
Слетела опять

Корреляций и ассоциативных цепочек в поэзии Асиновского множество. Ещё больше потенциальных соответствий. Но каждая частица сопряжена микрокосму не по леви-брюлевскому закону партиципации, а по христианскому закону сопричастия, который как основная идея пронизывает все тексты книги.

Ястреб на камень
Садится и глядит
В дырочку посредине
Камня и видит
Осла и ослицу
И тебя птичка
Господи на ослике

Молодом и невесома
Душа твоя

Дыхание этой Души и олицетворяет поэтика Асиновского, обращённая слухом в себя как в часть мира, из которой он выводим в своей целостности, как и из любой другой. Это же свойство присуще структуре сборника. Входом в неё является любое из стихотворений:

Перед раскаяньем
Ни печали ни радости

(в начале книги)

или

Там за ручьём
Река за рекой
Гора за горой
Море и волны

(в середине книги)

или

Тело душе
Не однажды являлось

(в конце книги)

Взятые наугад примеры демонстрируют глубоко актуальную разомкнутость этой структуры. Сущностный центр заведомо вынесен за её пределы, и ей остаётся лишь в равной мере тяготеть к нему всеми своими элементами. Таким образом, не конфликтуя, но полностью совпадая с традиционными христианскими мировоззренческими установками, поэзия Асиновского становится попыткой их переосмысления в современном литературном контексте.

Юрий Петкевич

Одно дело читать стихи, а мне пришлось под моими рисунками переписывать стихи Олега Асиновского. А так стихи никто не читает – переписывая их. А я вот так читал, переписывая, – и они мне стали открываться. Они не сразу мне стали открываться, а когда они стали открываться, я увидел их благородную красоту. И я увидел в них Силу. Каждый человек должен в себе эту Силу чувствовать. И поэтому тем, кто будет читать стихи Олега Асиновского, советую бережно их читать, чтобы почувствовать их Силу и в себе эту Силу, исходящую от Слова.

Так о Христе никто не писал. Олег Асиновский пишет как бы из другого времени – из того времени, когда Слово Божие находилось под запретом. Сейчас об Этом – можно, и даже модно – и когда об Этом можно и модно, становится очень трудно по-настоящему написать. Исчезает чуткость и пронзительность. А разве можно о Христе писать, не имея в себе «страсти безстрастной»?

Не так страшно безверие, как то, что эта «страсть безстрастная» очень часто подменяется «сюсюкающим» поддельным благочестием. У молитвы уходит сила после сытного обеда, и, чтобы писать стихи о Христе, надо бедствовать, и я знаю, откуда у Олега Асиновского его «рваные на клочья» стихи. И его стихи должны были быть написаны в двадцатых-тридцатых годах прошлого века при каких-нибудь чёрных обстоятельствах, но они не были никем тогда написаны. Ничего подобного не было написано. Но они (эти стихи) должны были рано или поздно появиться, и нельзя сказать, что они «опоздали». Их долго ждали. Настоящие живые стихи никогда не опаздывают. И в нынешнее смутное время такие стихи, как никогда, необходимы, как остриё копья, как яркая острая боль, как незаживающая мучительная рана навсегда, чтобы сохранить

пробивающуюся в нас благодатную «страсть безстрастную», и чтобы она разрасталась в нас, и чтобы она стала больше нас. Поэтому я и ухватился за стихи Олега Асиновского. Например, за такие строки:

Жизнь началась
Души не с того
Что родился ребёнок
А с того что он
Очами лицом
Расстался с душой

В этих словах запрятана глубокая непростая мысль; её принять раскрыть непросто, как и такие известные всем слова: блаженны нищие духом. Эти слова понимаешь, когда проживаешь их. И это самые лучшие стихи, когда их проживаешь, а не читаешь; прочитать можно всё что угодно, а прожить, пережить можно только то, что есть сама жизнь. И я хочу закончить о нашей полной тайн жизни вот такими тронувшими моё сердце строками Олега Асиновского:

А тело душа
На свете отца
Как песнь соловья
Последняя

Илья Риссенберг

...верлибры – разве поются? Олеговы – точно так: колыбельная «великого царственного ребёнка» (повторяю Хайдеггера, но именно так слышу Асиновского). Этим вот – его – образом книжной жизни, способом духопоэтического инобытия язык + музыка + время триедино соответствуют вопрошанию частного человека в общем и целом как взыскательного со-автора. А именно: короткое дыхание каждой строчки, стихика чудом продлевается внутри поющей души, читающего в душе – накоротке душа в душу. И не тем ли – вышним! – чудом целомудренно-кратчайшего дыхания хватает на каждый стих его текстов-песен. а они уж – хватают за душу...

Вот оно что. Диссоциируя умопостигаемые (в идеале) чувствования, всем сердцем здесь теперь мыслит себя-в-себе волшебная метаморфоза человекопоэтического перехода, и сама есть этот переход: внешнего во внутреннее, здешне-нынешнего в тамошне-грядущее.

Играющая (да, как тот ребёнок, – «без почему») лёгкостью и трудностью мерцательного чтения книга жизни Олега Асиновского от каждого пишущего и читающего себя требует такого знака, чтобы он соответствовал в простоте и совершенстве принципиальному тождеству со своим творцом, со своим Творцом. Голографический принцип, исполняемый целостно величием и малостью Знака, означает равномощность корпусу Человека как святописьменного Свитка. Вы знаете, у всех и каждого в святом Свитке есть свой, интимный, человекосущий знак: письменный – буква, устный – звук. У Олега Асиновского он соразмерен титаническому, и правда, скорбному труду: —

Олег, друже и брате мой дальний! Свет твоей Любви и тьма твоего Страдания, сопрягая силы, возвращают тебе неоспоримое право славить Того, Кто подаёт Поэту-в-Человеке дар прозрения из конца в конец миров, первожизненный дар давать имена материальным и духовным созданиям. Его «Просодия» главное «имя маме выбирает из многих имён её». Это дело непростое, пока «что произошло с плотью, с душой не произошло» («Еврейское счастье»). И там, и насквозь этой песенной книги

лейтмотив «маленького (младенческого?! – И. Р.) неба» со-звучен великому, любящему (ближнего, как...) со-чувствию: «Счастье еврейское без приглашения являться на еврейское кладбище к маме и папе» («Пурим»). И – жалость к людям, когда уже «душа оставила небо и землю», неизбежна вовсе: «о если бы не было встречи тела с душой...» («Холокост»).

Это слово «маленькое» называет ключ к точке первоначала-в-Человеке, источника, гдеоткуда всё творится-как-Поэзия. Если считать от зеницы ока, то самое маленькое небо это земля, но есть и обратная перспектива, не упускаемая Олегом, его «Видом на жительство», и в нём самым маленьким небом становится Точка Человека, равновеликая творцу и Творцу. Там – «иерусалимская горница»-горлица: незнакомка его «Блока» входит как голубь» со своим горем: «Господи, Кто Ты?» Это тот летучий вопрос, когда «летит голова от серпа и молота»,

над Сенатом (Синаем —?!), у которого снова строятся «Декабристы» (они суггестируют, напр., Мандельштама, но Олега О. Э. тоже присутствует в «Песнях»).

И провидческая Песнь гладит глазами, да, нежнее нежного, всё и вся в мирах, чья «плоть как (еловая – из Ёлки») смола в омуте глаз», где «осень прошла зимой», и «ливни дождя», и «тишина и как дождь качается лёд», и «дням ведёт счёт то закат, то восход»...

Здесь же в его горницу входят в превеликом множестве развоплощённые персонажи всемирной истории, человечествуют в её духе, и это одухотворение читательским присутствием возвращает ей человекопоэтическое существо здесь-бытия во времени... Ибо в небанальном Небе Асиновском, словно во Храме Иерусалимском, всегда есть свободное место (святые места!) всем и каждому, живому перволичному образу.

Отныне и присно «с душой произошло» именно это со-бытие, когда «Душа обретает черты лица». И в твоём «Лице», Олеже!

О.А.

порошит не спеши снеголёт
пропадать парашютом промышленным
как полёгший плащом гололёд
по-хорошему навзничь не лишне нам
голо-дух ненаглядный ледник
на поклон полевому и лешему
землелонный синай заподлик
асиновскому небу малейшему
незнакомец хоральный герой
ради блокава эха что мало в ком
из блокадников красной горой
за холерную осень в михайловском
чуешь нижние тени поют
бестелесный полёт безмятежности
параллельный метели уют
позволителен памятной нежности
отдалённой порукой греха
притяженья позёмка протяжная
при мезузе кликуха-труха
и обитель моя трёхэтажная
облекло золотое руно
вавилонскую баню элитную
на больничном шабашит бревно
небанальное небо ланитою
затяни на ключицах милоть
деревенщина свиток повытчика
молчаливо певучая плоть
для души милосердная вычитка
мироносец в преддверье ответь
равновесное имя нарушено
и обещана талая твердь
и дитя щебетало марусино

Федор Сваровский

НОВЫЙ СТРАННЫЙ (ФЕТ)

Мои аналитические способности в области литературы, как мне кажется, и как кажется многим из моих знакомых поэтов и филологов, оставляют желать лучшего. Провальная попытка много лет назад сформулировать особенности нового явления в литературе, да и во всей культуре последних двух десятилетий, зарекомендовала меня как человека, мягко говоря, не слишком образованного и косноязычного. Как теперь оказалось, я просто пытался сформулировать особенности такого явления как метамодернизм, которое, увы, было описано позже моего выступления.

Господа, спокойно! Я не собираюсь вновь углубляться в филологию! Тем более, что ни модернизм, ни посмодернизм, ни метамодернизм – явления и термины, описание которых – это, скорее, удел не филологов, а философов и культурологов. Однако, чтобы сейчас понять смысл существования последних стихов Олега Асиновского, совершенно необходимо упомянуть метамодернизм – явление, в рамках которого работает сейчас большое количество русскоязычных поэтов. Так что все-таки придется что-то сказать о метамодернизме.

Сам термин стал известен благодаря двум голландским философа Тимотеусу Вермюлену и Робину ван ден Аккеру в 2010 году (см. эссе *Notes on Metamodernism*, а также есть сайт, посвященный этому явлению – www.metamodernism.com). Еще один теоретик метамодернизма – британский художник Люк Тёрнер (см. его работу *Metamodernism: A Brief Introduction*). Кстати, есть публикации о метамодернизме и на русском языке – например, в израильском журнале «Двоеточие»

(Некод Зингер, 19.06.2014).

Обобщая сказанное этими людьми, метамодернизм можно описать, как созидательный синтез постмодернистского инструментария (деконструкция, ирония, игра, стилизация, острашение, релятивизм, отказ от действительного голоса автора в произведении и др.) и просвещенную наивность, уверенность автора в важности его сообщения, обращение к общим для людей ценностям, прагматический идеализм, декларируемый как некий эстетический фанатизм или очень эмоциональное отношение к предмету, а также искренность авторского высказывания, создание упорядоченной модели реальности в внутри произведения и сознательное создание автором «надтекстового» пространства, некоей общей атмосферы, более широкого замысла, как бы выходящего за рамки произведения, который и делает образы, события, слова и символы особенно значимыми для настоящего момента.

Чтобы идея была еще более ясной, думаю, стоит просто упомянуть ряд известных авторов, причем не литераторов и не русскоязычных. Например, фильмы. Теоретики метамодернизма, прежде всего, указывают на кино, как на наименее консервативный вид искусства. Скажем, фильмы Жан-Пьера Жёне («Амели»), Мишеля Гондри («Наука сна», «Перемотка»), все последние фильмы Уэса Андерсона (в т. ч. «Поезд на дарджилинг», «Отель Гранд Будапешт», «Водная жизнь Стива Зису», «Королевство полной Луны») – это яркие примеры метамодернистского искусства.

Если говорить об известной литературе, то, например, в англоязычной прозе – это «Жизнь Пи» Яна Мартелла, в японской – романы Харуки Мураками.

Есть масса примеров и из изобразительного искусства, архитектуры и музыки, но, думаю, здесь они будут лишними. Вообще, с теорией пора заканчивать. Вернемся к стихам Олега Асиновского.

Если не вчитываться, а просто пробежать взглядом стихотворения в этой книге, создается впечатление, что ты имеешь дело с чем-то уже давно знакомым, или даже с кем-то знакомым. А именно с конкретным поэтом, которого знает каждый. Это Афанасий Фет. Асиновский – это, безусловно, новый Фет – знаменитый описыватель природы, климата, погоды и своих чувств по отношению к этим явлениям. Олег Асиновский тоже пишет в этой книге о природе, временах года, погоде, о постоянных и всем известных простых событиях, которые и событиями-то назвать нельзя, а скорее фоном нашей жизни. Да, он – новый Фет, но Фет какой-то нелинейный, странный, страшно-радостный какой-то.

Вот, например, стихотворение Фета об осени

Ласточки пропали
Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.
С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.
Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь – через поле
Перекасти-поле
Прыгает, как мяч.

Вот, как это же время года описывает Асиновский

НОЯБРЬ

Солнце другое за ручьём и рекою
И кто-то в берёзовой роще чужой
Не плохой не хороший и осень в берёзах

И грозы и гром и тревожно светло
От грома и гроз и в чаще оливы
И пальмы дожди с них обратно

Бегут из радуг в грозу и страшно
В лесу и ветер осенний утешен
Не сдержан и нежен как деревня под снегом

И то и другое стихотворение – простое описание природы и неких эмоций, связанных с ее наступлением. Но важное отличие в том, что Асиновский вообще не рассказывает о себе,

о своих переживаниях внутри этой осени, а скорее пытается передать некое условно общее состояние природы, видение природы, а не рефлексию по поводу ее состояний. Причем, природа эта сконструированная, где в одном и том же месте растут и березы, и оливы, и пальмы.

Кроме того, он с первых строк дает понять, что его описание – это часть какого-то сюжета, какой-то последовательности непонятных событий («И кто-то в берёзовой роще чужой

Не плохой не хороший...»). И, таким образом, стихотворение обладает двумя пунктами – авторским высказыванием о воображаемой, сконструированной осени и неким сюжетом, который лишь соприкасается со стихотворением в двух его строчках, а далее существует как бы сам по себе. Собственно, практически все стихотворения Асиновского – это такие упорядоченные чувственные системы образов, где внешняя модернистская сумбурность речи – это четко продуманный способ построить «здание» стихотворения не из слов, а из ассоциаций и образов, которые подобно кирпичам, бесполезным по отдельности, складывают просчитанную конструкцию.

Важно еще и то, что в своих стихотворениях Асиновский не боится выглядеть сентиментальным, наивным, вызывающе старомодным, когда он постоянно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы и полностью скомпрометированные советской литературой «народные» слова или формы слов, а также просто слова давно заезженные.

Например:

И сердце болит у листка **вечерка**
И примята трава и медвяна тоска

Или:

И в **капельках** снега хлопья дождя
Иголки листва в голубом **синева**

Или:

Пушистый **зверёк снежок мотылёк**

На самом деле, этих нескольких сухих замечаний совершенно недостаточно, чтобы описать новую книгу Олега Асиновского. Думаю, и специалисты и читатели найдут в ней ещё много интересного и необычного. Но я писать о литературе не умею. Да и жанр предисловия совсем не подразумевает глубокого разбора содержания книги. Главное все-таки, как мне кажется, я заметил.

Итак, Асиновский в своих стихах конструирует реальность и связывает ее с сюжетами, выходящими за пределы стихотворений, он наивен, нежен, предельно идеалистичен, подразумевает, что читатели разделяют некие общие образные системы и ценности, на языке которых он к ним обращается. В общем, получается, что перед нами книга русскоязычного поэта-метамодерниста.

Кстати, в своих творческих методах Олег Асиновский, пожалуй, наиболее всего близок другому русскому поэту, который, между прочим, прежде довольно фанатично и воинственно демонстрировал, а точнее конструировал яркую и даже, как казалось тогда, чрезмерную сентиментальность. Я имею в виду Василия Бородина. Вот, по моему мнению, он уж просто – монумент и манифест метамодернистской поэзии в России вне зависимости от того, как он сам относится к этому термину.

Надеюсь, что эти мои рассуждения помогут отнести к стихам Олега Асиновского, этого Нового Странного Фета, более внимательно и взглянуть на них под другим углом.

Думаю, его творчество – это элемент в процессе зарождения не только новой русской литературы, но и нового взгляда на мир.

Эмиль Сокольский

В поэтическую «компанию» Олега Асиновского можно записать близких ему Арво Метса, Владимира Бурича, Геннадия Айги, Генриха Сапгира, Вячеслава Куприянова... но вот я перечислил эти имена и вижу, что ведь каждый – индивидуальность, у каждого – свой путь. Не похож на них и Асиновский. Можно ли назвать его представителем верлибра? Наверное, да, хотя – правильной сказать, пишет он неравностоящим белым стихом с легкими нарушениями метра, и если вернуть классическую орфографию и пунктуацию, то все здесь окончательно прояснится. Асиновский несомненно работает с метафизикой, его творческое мышление идет от библейских мотивов, которые он всячески обыгрывает, интерпретирует, дает им «прибавочную» художественную окраску, нагрузку, инструментальную обработку, исполняет «фантазию на тему», и более того – словно бы пишет (продолжает) религиозные тексты, восполняя «упущенное», встраивает в них деятели литературы и искусства (Красовицкого, Бунина, Ахматову, Мандельштама, Анненского, Пушкина с Лермонтовым, Модильяни, Шостаковича...), утаивая прямой смысл и лишь намекая на обстоятельства их жизни, заглядывая в нечто запретное, мало и редко кем улавливаемое (в том числе и мной). Улавливает ли это сам автор, для меня, честно сказать, загадка. Стихи Асиновского – им изобретенная модель метронома, ставящего жесткий предел высказыванию; в каждой строке – два-три слова, не больше; фразы получаются обрубленными, остриженными, как кустарник; а чтобы не оставалось сомнений в важности строк – все они начинаются с заглавной буквы (больше нигде заглавных у Асиновского не встретишь). «Самое последнее маленькое небо» – эта фраза встречается в книге не раз; я думаю, что оно находится в том измерении, где обретаются духи праведников, достигших совершенства («маленькое» – вероятно, обособленный уголок, «пристроившийся» к Небесам небес).

Татьяна Щербина

В русской поэзии еще не было голоса юродивого, живущего в лесу, в пещере, в скиту, не было наивной поэтики (как есть наивное искусство) – поэтики медитативного бормотания, невинного христианства, со своей, сходу узнаваемой интонацией.

Я едва знаю Олега Асиновского, но живет он, насколько мне известно, не в лесу и не в пещере, но там обитель его поэтического альтер-эго:

Ромашки в чаще как маленькие поляны
На тучном луку в дремучем лесу

В стихах Асиновского много повторов, «на небе последнем маленьком самом» мы встречаем на протяжении книги множество раз. Маленькое и/или последнее небо – его главный герой. На небо он смотрит постоянно, в поисках ответа на вопрос о сосуществовании души и тела. Это неизменный вопрос его стихов: могут ли они существовать раздельно? А маленькое тело или умершее и воскресшее, а душа, которая вдруг исчезает, а потом возвращается? Тело непостоянно, как и душа. Эти – не столько размышления, сколько проживания – экстраполируются на Христа-младенца, Христа казни и воскресения, на все живое вокруг, на самого

себя. Иногда заговор, иногда молитва, иногда гимны бытию, но небо всегда маленькое, всегда последнее.

И на небе последнем
Достигает душа такого уровня своего бесчувствия
На котором тела уже не существует.

В другом стихотворении:

Большая была как маленькая душа
И сначала сердца маленькой и большой
Плутали потом расставались легко

И струился с ветвей невидимый свет
И как прежде горел день и листва
Желтела летя в света струях...

Перипетии души и тела происходят под ветер, дождь, снег, солнце, среди деревьев и цветов, но ряд стихов посвящен живописи, хотя фон остается тем же:

ГУСТАВ КЛИМТ
Алые ласточки
Золотые и красные

В византию летят
И сколько угодно

Чёрного золота
И меньше гораздо

Белого в воздухе
Красном и алом

Множество стихов названы именами поэтов, ученых, политиков, святых, двоих в сравнении (как Босх и Бах), но это ни в коем разе не портреты, а все те же медитативные распевы и заклинания:

ЛЕНИН
Как страшно стало бояться
Радости непрерывной
На самом последнем
Маленьком небе
И пора бы расстаться

Образы возникают все равно из наблюдений за растительным миром:

Ветер ловил яблоки и ронял
Капли дождя и стада яблок

И непрестанно возвращается все тот же «вопрос жизни и смерти»:

Бойтся без тела
Остаться душа
И стоит тишина
И осень не поздняя.

Он отсылает и к разным историческим событиям, оставаясь всегда личным переживанием, как в стихотворении «Холокост»:

На последнем небе
И душа оставила
Небо и тело
О если бы не было встречи
Плоти с душой
В холокост

При всей повторяемости сюжетов, интонационной однообразии, узком лексическом диапазоне, в стихах Асиновского открывается таинственная сторона мира, и сами они оказываются как бы за границей языка, слов, которые, как листья, срывающиеся с дерева, переносят читающего в сферы невыразимого, несказуемого, безмолвного.

ЛАЗАРЬ
Однажды так недавно
Одна и та же прилетала

На камень бабочка она ли
Слетала с камня не она

И стояла тишина
И ветер веял вдоль неё

То огненный то ледяной
И очертанья проступали

На камне бабочки
Ни радости и не печали

В ней не было
Гремел ручей

И поднималась по ручью
Бабочка и лазарь спал.

Деревенские песни

Ноябрь

Солнце другое за ручьём и рекою
И кто-то в берёзовой роще чужой
Не плохой не хороший и осень в берёзах

И грозы и гром и тревожно светло
От грома и гроз и в чаще оливы
И пальмы дожди с них обратно

Бегут из радуг в грозу и страшно
В лесу и ветер осенний утешен
Не сдержан и нежен как деревня под снегом

Озеро

До неба трава и в ней острова
И материка тумана росы и птаха

С травы срывается вниз открывается
Вид на туман и росу птахе растут

Капли дождя в облаках берегах
И летает она в осеннем дожде

И день на крыле у неё на одном
И ночь на другом не светло не темно

И лицо как окно и осень как дом
С высоким окном лёгким ледком

Иней

Иней на ёлках рябинах берёзах
И синяя осень на листьях в иголках
Голубая и леса справа налево
Качается сердце и слева направо

И на маленьком небе самом последнем
В убранстве осеннем туман на деревьях
И в капельках снега хлопья дождя
Иголки листва в голубом синева

Снежинка

Птичка сложила крылья и жили
Они и пели от птички отдельно
То вместе с нею и ветер веял

Она парила в крылах сложив их
Как стог то выше травы то ниже
И гром из крыльев гремел светлело

На перьях небо в грозе осенней
В дожде дождинках в траве и листьях
Звезде снежинке в осенних ливнях

Сон

Птицы кругом за ближним холмом
И за дальним они ласточка стриж
И чуть-чуть по-другому будет не дома
Стрижу золотому грустно спокойно
В воздухах и холмах и как будто
не ново

Ему в незнакомом доме своём
С собою вдвоём словно втроём
В ночи и утром быть ниоткуда
Дождём и снежинкой в крошечке листьев
Осенних и трав во сне на холмах

Ночь

Не долог как кролика век осенью
Первый снег и профиль вороний

У дождика чёрный омут в берёзовых
Кронах и ветрено и листва у берега

Ствола на ветках бела и в небе
Луна осеннем в стога собирает

В ночи под ветвями лучи и петляют
Звезды как снежинки в дожде следы

По луне и дни в октябре длиннее
Ночей и тени бледнее лучей

Одуванчик

Одуванчик под снегом поднимается в небо
По ручьям и по рекам к птахам и змеям

Рыбам зверям с земли по ночам
И снежинки журчат ни души снегопад

Осенний бежит от зверей и от птиц
Рыбин зверей по листьям траве

По тропинкам теней снежинок на дне
Ночи осенней лёгкой как ветер

Дождь

Ниже ручья пустыня звезда
В пустыне горит и птица летит
По ручью поднимаясь над клювом крылами

И как будто в тумане деревья на время
Листва навсегда и влетая в туман
Вратами дождя роса становилась

У птахи на крыльях и капли большие
Взлетали струились с маленьких капель
Облака проплывали мимо дождей

И птице грозе гром громыхал
У неё на крылах и после дождя
Осень пришла и звёзды зажгла

Зверь

Не был в лесу зверь и к нему
Тени из леса летели и ветер

И эхом дождя по небу листва
Вослед своей тени по небу летела

И небо светлело над ним и дожди
Шли из листвы по тропинкам лесным

И то птицей кружил то полз как змея
С облаков на себя он после дождя

И мог не дышать и как воздух глотал
Душу и плоть свою одинок

Грустный как лёд зверёк ручеёк
Ни очей ни лица у зверя ручья

И теней снегопад в тишине завитка
Сердца зверька и в конце октября

Тело душа как метель на губах
И в деревне нельзя мне без тебя

Ёлка

У ёлки в глазах зелёных душа
И плоть как смола в омуте глаз
И янтарные тают вместе со снегом

И душа расступаясь погружается в тело
И дождь как по льду мостик дождю

Иголки шумят под корочкой льда
И между ветвей небо светлей
Тени дождя на снеге в ветвях

И день не погас и в течение дня
То конец октября то начало его

Тишина и как дождь качается лёд
И дням ведёт счёт то закат то восход
Плоти к душе днём в октябре

Ни окон ни дверей и домик во сне
Тонком и сон как чьё-то лицо

Маленький

Осень и воздух как облик ребёнка
Весёлый и строгий и днём и ночью

Одно и то же и который не прожит
День позади тела души

И тише и тише жизнь и то ближе
То дальше душа сама от себя

И встречается взгляд с глазами своими
И гаснет над ними как бы чужими

Себе на лице детском и смех
Над собой смеётся далёким и тёплым

Лицо

Настала пора расставанья душа
Обретала черты лица и свои

Теряло лицо и зияло оно
Рядом с душой и сияли его

Очи и лик струился с души
В листья цветы и невидимой жизнь

Лица была счастливым глазам
Птицы зверька как снежинка тепла

Остров

Островок и на острове в поле
не скошенном
Лёд как на озере и воздух как домик
Для плоти с душой и в домике том

Никто не живёт кроме чёрного
Ворона с холода кого-то он ждёт
И осень пройдёт и снова начнётся

И ждёт не дожждётся то как шорох взовьётся
Окошко то в чёрном сводящем с ума
Опять тишина в капельках льда

Праздник

В шуме лесном и грусть и покой
И гул голосов и как будто не свой
Голос у снега на дорожках известно
Ведущих куда в тишину и пока
В лесу островок то живущего врозь

То вместе с душой сердца её
В тишине снеговой нервной седой
И день не за днём и сердце потом
Сначала душа безучастна и цап
Птаха зверька и как ястреб луна

И опять тишина и ворона как солнце
И снежок осторожный на дорожках безмолвных
И одно и то же и то двое то трое
С тобой и со мною нас и ребёнок
Не ранний не поздний и как бы не осень

Вяз

Большая была как маленькая душа
И сначала сердца маленькой и большой
Плутали потом расставались легко

И струился с ветвей невидимый свет
И как прежде горел день и листва
Желтела летя в света струях

И вяз зеленел в летящей листве
И падали в снег капли дождя
И стояла трава под снегом дождём

И ветер её как бы не сам
Качая шептал летящим листам

Листок

Облачко в озере живёт и такое же
Знакомое не знакомое на чёрном окошко

Небе горит и снег и дожди
Не вверх и не вниз и вечер как лист
По небу летит медному тих

И сердце болит у листка вечерка
И примята трава и медвяна тоска

Вечер

Коршун утешен тишиной и в кромешной
Парит тишине как рыба в реке

Над рекою и лесом под кровом небесным
И снова не вечер в облачке сердца

Ни ночи ни дня и кругом тишина
Осторожна слышна как полёт мотылька

И кто-то из леса глядит и реки
То как птица летит то как рыба плывёт

И крыльями бьёт шевелит плавником
Пушистый зверёк снежок мотылёк

Мама

Так или эдак и девятый и третий
И сороковой дни ещё не прошли
И ясное небо и завтра последний

День не осенний не весенний не зимний
Не летний в снежинках и каплях дождя
В росе и тумане под снегом дождями

Как в детстве и мама уже не оставит
И девы растают тени снежок
Лёгкий как дождь на неё упадёт

Тень

Как огромная птица дом на вершине
Горы и гора горит и луна
И под кровом луны звёзды черны

И в доме огни и около дома
И огонь как огромный зверь на горе
И тень на луне от зверя и птички

У тени крылья и не были были
Звёзды луна дом и гора
И ночь до утра под крылом у зверька

Лиственница

Едва ли недавно и не тайно не явно
И как бы случайно ни мамы ни папы
Тишина и не страшно и вечное лето

И медленный снег осенний и зимний
Тихий пустынный ни души и в пушистых
Иглах и шишках лиственница как травинка

Как слепая снежинка тает в глазах
Матушки и отца и плачет душа
Неистово беспричинно и родители живы

Снегирь

Один единёшенек снегирь и тот же
Малыш как огромная птица летит
И в ночи соловьи поют снегирю
Из утренних вьюг и клювы клюют
Соловьёв снегиря огненный взгляд

И кони летят на бледа коня
И небо в конях снегирях соловьях
Братях и сестрах женихах и невестах
И ветрено снежно на этом свете
И тёплый на том дождик поёт

Небо

Мигом было детство первое
В последнем повторились те же
Медленно и снежно медные деревья

И в листве железной эхо и на ветках
Верных и не верных нежных цепких
Пленных тихих и густых невидимый на них

Лес висит и в бездне ни зверей ни птиц
В теле центробежном и в душе круги
И весело в деревне как на небе жить

Светлячок

В одно мгновение сухое дерево
Зазеленело и листва облетела и сделала
Круг и ветер листву развеял как звук
В лесу тишина по шумным ветвям

И верхушка ствола сверкнула корням
И как будто из ям воздушных они
По стволу поднялись и листву оплели
И обрушили вниз сверкнув из листвы

И воздушна легка и послушна листва
Светлячку ни лица ни глаз у него
И рано встаёт и поздно ложится
Он и невидим себе самому

Как во сне наяву и весел угрюм
И негде ему головы преклонить
И улыбка горит на крылатых устах
И ни маменьки ни отца у гаснувшего светлячка

И душа от родства с телом своим
Под сердце бежит и у тела души
В семье светлячки до первой звезды

Подсолнухи

В течение ночи и вдруг в одну ночь
Год кончился поздно и не скоро начнётся

И на месте берёзовой рощи сосновый
Бор и под кровом сосен берёзы
Как подсолнухи в поле и от моря до моря

Река и в реке гора на горе
Сосна и подсолнух рядом с сосною
Как луна со звездою и туман над горою

Поднимается дождик из тумана идёт
И манит на тот змей и зверей
Свет и на небе самом последнем

Не душа и не тело и не страшно между
Телом душой на свете том

Опушка

В чаще лесной трава и в густой
Траве и листве и как бы по краю
Травы и листвы и пока не растаял

Край леса листва летела звала
То совсем в никуда то почти ниоткуда
И чуть слышно как будто тихо повсюду

Старики и старушки как цветы на опушке
И красиво и грустно с ними и пусто
И умерли и проснулись и вдруг прикоснулись

Шестикрылые птицы к шестипалым очам
И не было сна и по телу душа
Невеличка струилась тише и тише

Ромашки

Ромашки в чаще как маленькие поляны
На тучном лугу в дремучем лесу

И тучи вверху и внизу облака
И ясно когда не светло не темно

И волна за волной тишина в тишине
Лес в глубине своей тишины

И свет с глубины поднимается леса
Открывается бездна ни дождя и ни снега

И под тяжестью веток срывается в бездну
Поляна лесная и пламя с поляны

Как огненный луг и холодно вдруг
И сразу тепло на поляне лесной

И стайкой в огонь облако туча
И вновь ниоткуда ромашка под снегом

И снежок под дождём и грозы и гром
Однажды как в детстве и немного потом

Вид на жительство

Яблоня дикая лесная раскинулась
Над земляникою и до самого моря
И с яблони ворон чёрный слетел
И голубь с небес спустился и вместе

Летели из леса и в ливнях дождя
Блестели летя и терем стоял
У них на пути и тихий внутри
Терема скит по лесу бродил

И ручей бороздил реку река
Кипела в волнах морских и дожди
Моросили с реки на невидимых птиц
Голубя ворона в окошках лесного

Доброго злого скита и врата
Его отворились и окна закрылись
И в тереме он прошумел и умолк
Под шелест волн дверей и окон

Ветер

Ветер ловил яблоки и ронял
Капли дождя и стада яблок на время
И как навсегда сбегали в снега

И краешком даль чернея своим
Белела за ним и бегали птиц
По снегу следы и не было их

Ни птах ни следов и душа не своё
Надышала себе тело и зверь
Птаху клевал бродя по следам

Яблочным на первом снегу и летел
В тишину и как эхо тонул он в тишине
И снова шёл снег и немного поздней

Ноябрь

Зимнее озеро в дымке морозной
Как выпитый воздух висит ледяное
Над самим не собою и на лике толпою
Отвесный ручей очей на лице

И тонкой лицо пеленой над ручьём
Огненных глаз погружённых в себя
И которые спят бессонным очам
Дождём моросят бездонным как взгляд
Озера на облачко льда после дождя

И осень прошла зимой и опять
Зима началась и вдаль унеслась
И не было ночи сначала потом
Не стало и дня и ноябрь настал

Дверца

Камыши с высоты сами как птицы
В камышах у скалистых над рекой берегов
И озеро в рост лесное встаёт

И ложится ручей ближе к реке
И шумит вдалеке река от ручья
И роса высока и на скалах дождя

Капли с росы срываются вниз
И взмывает камыш с озера вверх
Лесного в скале и свод в камыше

Небесный над лесом и берег как дверца
На небо из леса в росе и дожде
Сорок дней и девять и три

И на стенах скалы лес и внутри
Неё и снаружи и светло в нём как будто
И словно темно и ночь не за днём

И день не за ночью и последний не дольше
Первого дня и не короче и в теле душа
Сеет себя змеям зверькам и рыбам и птицам

Лесным и кружится и шёпот и хруст
И лёд по ручью несётся к реке
По озеру к ней и поёт соловей

Пощада

Как просит большой у маленького пощады
Как долгий потом сначала незванный

День как просвет между телом душой
И не сон и не явь и плоть не одна
И не вместе душа с ней и не врозь

В дне прошедшем живёт и не узнаёт
Тело её и по следу идёт оно своему

И не плохо ему и не хорошо с ней
Под сенью следов подсвеченных днём
Последним когда снова в первом она

И под сердцем неся душу свою
К последнему дню то медлит то вдруг

Делает круг над сердцем своим
Детским круги один и другой
И стучится в него и висит над собой

В сердцевине кругов как огненный шар
В холодных кругах и сходит с ума

Вифлеем

Остров на озере и горы на острове
До облаков и сонмы озёр
И грозы и гром на горах в облаках
И одна тишина тонет в другой

И с острова дождь поднимается вверх
И с дождя в тишине падает снег
И светает на дне озера горного
Одного и другого глубокою ночью

И от моря до моря островок на котором
Домик и в домике голубое окошко
В чёрном окне и дом в синеве
И белая дверь в снеге дожде

И несколько дней в дом и потом
Сорок ещё и девять и три
И снег и дожди с первой звезды
И ветер с луны в деревенской глуши

Утро

В гулком лесу утро и вдруг
Ни ветвей ни деревьев ни трав ни полян
И стучат в небеса капли дождя

И гроза и гремят громы из леса
После рассвета и долгое эхо
С высокого неба и второе пришествие

В россыпях первых и девятое пламя
И когда обжигает тогда утешает снова
И снова в громах и грозах сороковое

И голос из грома и лик из грозы
И в одних и других пришествиях кто-то
Предшествует плоти своей и душе

И как ветер себе строит он дом
В утробе лесной и полн тишиной
Кого-то зовёт и гонит из дома

Своего и знакомит тело с душой
С безответным собой как ветви с листвой
И с полянами травы не тайно не явно

И как бы случайно и гоня облаками
Гром и грозу выходит из туч
В траву и листву и торопится вдруг

Зима

В который раз лёд встал с утра
И радовались и плясали пели и веселились
И верность хранили и о нежности страсти
Попеченье оставив утешением были

И убежищем ледяные просторы
И утро далёким и минувшее грозным
И будущее не громким ему покровом
И как будто в сторонке друг от друга
И облако туче поёт ниоткуда
Эхо летит не вверх и не вниз
Они начались и к утру не прошли
Третьему в третьем тени их встретились
И не было неба между теней
И дней и ночей и светлело на дне

Третьего утра и веселием ужас
И радостью страх подплывали к теням
Поднимаясь со дна и как только одна
Тень оставалась уже с ней другая

Не расставалась и пела плясала
Радовалась веселилась и таяло имя
Тени одной на лице у другой
И детство прошло и вновь началось

Море

Сон словно явь и лицо и глаза
И не родственница душа плоти своей
И полон очей прожитый день
И расцвёл и растаял лёд и кричали

Чайки огромные над маленьким озером
И качались как сосны птахи и остров
По озеру плыл в море и птиц

На острове не было и высокие пенились
По теченью плывя крошечные берега
И ни ночи ни дня в соснах и взгляд

Чаек в холодных громах и грозах
И по морю волны бегут и в волнах
Озера круг и острова шар

Ямка

В ямке из перьев прячется небо

И щебет и свист эхом воспеты
И небесная твердь как довесок небес
Последних и хлебных и беженка в сердце

Находит душа дом для себя
И холодно в доме не светло не темно
И кто-то уходит прочь из него

И снова домой и ночью и днём
И радостный и печальный и как бы не сразу
Возвращается в ямку прощаясь с печалью
И с радостью тоже и встречаясь с душою

Домик

Небо снежком заволокло и снега
Не было на земле девять дней
И сорок и три и сугробы росли
На небесах девятого дня и третьего

И сорокового и снежные хлопья над твердью
Земною как облака кружили маленькие
И большие и маменька сына подносила
К груди и были они мария и сын

На лицах своих и рыбах и птицах
И змеях и зверях на тверди небесной
Медленным снегом и бездна разверзлась
И дева с младенцем в снежную бездну

В день третий шагнули как бы минуя
Сороковой и девятый он и мама
И ползали и летали в третьем иплыли
Как столбики пыли ребёнок с марией

И не холодно было в нём не тепло
Не темно не светло ночью и днём
В домике том грому с грозой
И не плохо не хорошо и кто-то вошёл

Гора

В глубоком снегу берёзы цветут
И тают цветы и сбегают с горы
Поднимаются в гору и останавливаются ненадолго

И проваливаются высокие в снег и глубоко
Ветви берёз в детстве своём
И трепет стволов бежит по цветам

Ввысь и к корням по лестницам веток
В лепете эха и между деревьев
Гнездо и в гнезде цветков и в цветке

Не ночь и не день и светло на горе
Берёзам и тень струится цветов
И стоит над горой и стучится в окно

И молчит на одном языке на другом
Снежок за окном и за ночь одно
Детство другое за день проходит

И девятое и сороковое и маленькое и большое
И последнее третье в деревне небесной

Музыка

Дуб на лугу и луч на дубу
И тень от луча то длиннее то дня
Короче и ночи и который не прожит
Начинается день и как бы в конце

Своём не в начале как сон после яви
И в дневной тишине дубок и в дубке
Гнездо и в гнезде глубоко на дне
Дом без дверей и окон и теней

Сонмы из дома снова и снова
И кто-то как солнце тени своей
Во сне тяжелей и как наяву к дубку
По лужку и тучи на лбу его и лучи

И очи в глуши лучей и лицо
И тело с душой от очей далеко
И ночью и днём и полн тишиной
И облачко в нём светлячков и сверчков

Облако

В чаще лесной облака и одно
За другим облако ввысь и по лесным
Тропинкам ручьям поднялись в небеса
И восхитили гам и щебет и рык

На небо своих теней и возник
Зверь в облаках и пел и рычал
Снегу дождям как если бы сам
Снегами дождём стал и потом

Глазами лицом тени своей
И не встретился с ней в снеге дожде
И нежность к себе и грусть и тоска
И ужас и страсть промелькнули в глазах

Не коснулись лица и проснулся опять
И снова заснул он наяву
И любовь как вину перед собой
Изведал на том свете на этом

Утешение между этим и тем
Светом и бездна разверзлась в очах
Младенца зверька и в бездну стада
Тропинок ручьёв шли с облаков

И плыл небосвод мимо него
И малыш был готов не просить
Не бояться и остался однажды один
На один с ликом своим и полюбил

Сосна

По озеру плыли сосновые шишки
И тише и тише издалика и близко
Стояла сосна к корням и ветвям
Своим на берегу и брызги в сосну

С шишек летели и ширился берег
И рос над сосной и ночью и днём
И грозы и гром разлетались с сосны
И снега и дожди расступались пред ним

И озером полн он в горы потом
Чёрен и тих с горных вершин
В море и вниз и снова со дна
Морского волна и озеро и сосна

Евхаристия

Перелётная птица гнездо разорила
За морем своё и снова в него
Возвратилась она и цветы и трава
Расступились пред ней и пустыня и лес
И в мороз и в жару дождик и шум

Дождя из гнезда и капель полна
Морская волна и одна тишина
До самого дна моря другая
Над берегами и дождь над волнами
Набегает на птицу и радуется и веселится

Птаха в дожде оставаясь в гнезде
Разорённом своим растворённым окном
И дверью раскрытой и теней вереница
И тело душа из двери окна
И между стена телом душой

И не этот не тот свет на стене
Из очей на лице и хлеб на столе
И ночью и днём молодое вино
И море поёт хлеба вина
На берегах стола и девять сидят

Птенцов за столом и сорок в окно
Входят и три потом из двери
И кто-то из них не вошёл и стоит
Он словно туман возле стола
И ни ночи ни дня у ребёнка в глазах

Святки

Как снежные хлопья дева с ребёнком
В берёзовой роще в сосновом бору
Вот-вот упадут и морозец в лесу
Лёгкий как танец ребёнка и мамы

И солнце сияет снежинкам они
Мария и сын и тихо летит
Рядом с младенцем она и завеса
Прозрачна небес и падает снег

Прятки

Вдохнула глубоко дыханье задержала
Душа и вдруг душой она не стала
И тишина стояла и не было душе
Места в тишине и в теле и нигде

На небе на земле и дева ей во сне
Явилась во плоти и лица их сплелись
И очи как венки на головы легли
И потом волхвы пришли и не ушли

Ласка

Как бабочка ночная одна зима
Другая как бабочка дневная и маленькие

Зимы и как бы не большие дневные и ночные
Над маленькими низко облака в обличье
Птичьем и как будто хищном и не грубом

И лучи как клювы мотыльки повсюду
И тихо и на утро снежинки ниоткуда

Земляника

Земляники под снегом листики в белых
Цветах как снежинки в облаках и не длится
Зимний день или летний стоит
На последнем небе и пенье метелей

Как трель соловья из летнего дня
И где тишина там уже не зима
Не лето и ягод как снега и в каждой
И как бы не сразу и постепенно то детство

То время после него с ребёнком собой
И полн тишиной одной и в другой
Малыш тишине землянику себе
Собирает и маме не касаясь ни ягод

В небесах ни снежинок ни себя ни мари
Ни зверька и ни птицы ни змея ни рыбы
И тише и тише снег земляника

Вечеря

Лёгкий словно дымка волхв
Потом тропинка к озеру то ниже
Берегов то выше и настолько тихо

Насколько тишиной озеро полно
И ни дна ни глади тишина как ямка
И гроза с громами в ямке и дожди

И снега и льды ни вина и ни воды
И ни хлеба только дева и ребёнок
В тишине иосиф эхом из неволи

Тела и души и младенец с ним
И мария с мужем и волхвы сомкнулись

Стыд

Цветы с горы
И бабочки с поляны
И душа не успевает
За жизнью души
И судьба останавливается
Душой и жить

Торопит тише и тише
И не жить судьбой
И плодиться и размножаться
И не просить у тебя господи
Того что сам ты не просишь
Ни у цветов ни у бабочек

Ни у дождя ни у облака
Ни у дня ни у ночи
Ни у однажды прожитой
Судьбы ни у недожитой
Жизни и любить просто
И просто не любить

И не выбираешь между
Любовью и не любовью
И забираешь тело
Душой ещё не опылённой
Плотью и стыд как свобода
От высокого и от низкого

В не любви и в любви
И от привычки просить
И не одна душа
И одна и когда к расставанию
Готовишь с плотью
Душу уходишь и не расстаются

В день ангела

Перед раскаяньем
Ни печали ни радости
Как же страшно тебе господи

Было видеть себя
Глазами разбойников

Висящих рядом с тобой
И ругается добрый
И рыдает злой

И дальше ты и дальше
И с собой и не с собой

И с ними и не с ними
И кресты пустые
И сошли и стоите

Около крестов
И магдалина мария

С вами и не с вами
И не прикасается к вам
Ни к разбойникам ни к тебе

И не один господи ты с ней
И на твоём кресте

И на крестах разбойничьих
Рано рано
Когда еще темно

Объятья её и самое потаённое
О себе магдалине

Шепчете и она молчит
И вас не ищет
И расступаетесь и не молчите

И о своём говорите
Друг другу

Тише и тише
И унесла она
Молчание ваше

И на самом последнем
Маленьком небе

Вас уставших
Целовала и целовала
Простая баба

Холокост

Высокой травой
Покрыты холмы
И то рыбы они
То звери то птицы
То ветви то листья

И в высокой траве
Не ночь и не день
Не утро не вечер
И фигуры и силуэты
И красная шляпа

И алая мантия
Отражают пламенное
Солнце от холмов
От стрекоз и бабочек
И каким бы живым

Воспоминание не было
Обрекает воспоминание
Тело на силуэт
Душу на фигуру
И чувство оставленности

Выстраивается на контрасте
Мучительного отчаяния
Души и счастья
Плоти на фоне
Воздуха озарённого

Дыханием и на заднем
Плане дыхания
Маленькое самое
Небо последнее
Сошедшее с небесной

Лестницы на землю
Иссиня чёрную
Жёлто зелёное
И заночевало на земле
Самое маленькое

И душа оставила
Небо и тело
О если бы не было встречи

Плоти с душой
В холокост

Ню

Ирисов диких
На окраине леса
Поляна и в ней

Ямка и тени
Светлые в ямке
Деревьев на ясном

Небе в земле
Ни теней на траве
На цветах и листьях

И в дожде ни росинки
Ужели простились
И болит о своей

Сердце душе
О модели излюбленной
И видимо не видимо

Диких ирисов
И то день и утро
То вечер и ночь

И полн тишиной
Женского тела
Лес за деревней

Лазарь

Однажды так недавно
Одна и та же прилетала

На камень бабочка она ли
Слетала с камня не она

И стояла тишина
И ветер веял вдоль неё

То огненный то ледяной
И очертанья проступали

На камне бабочки
Ни радости и не печали

В ней не было
Гремел ручей

И поднималась по ручью
Бабочка и лазарь спал

Ностальгия

Явились они
Мария и сын
Друг другу
И вдруг ниоткуда

Из прошлого гость
Яблоня дикая
В глубокой лесной
Чаще и низкое
Солнце над яблоней

И соколы ясные
На гибких ветвях
И листья шумят
И день как день
Ночь как ночь

Как есть так есть
Лес да лес
И дикий возница
Правит санями
И спина в яблоках

И гость за спиной
Гость молчит
И поёт ямщик
Доносится эхо
До ребёнка и девы

И соколы в небо
И сразу на яблоню
И маленький маму
Боится спросить
О птицах и опять

Марию спрашивает
И тихо да так
Как было когда
Сына она носила во чреве
И жили не вместе

И были как тени они
Перемен в своих
Душах телах
Отпущенных восвояси

Кому-то на счастье

Жена

Жили вместе
И был лес
И было поле

У них в доме
И любил он её
И она его

И не знала другого
Ни поля ни леса
В своём сердце

Ни осени ни лета
Ни весны ни зимы
И дни шли

И родить от любимого
Дня дитя
Хотела младенца

И чтобы плоть
У ребёнка как солнце
Как радуга душа

И боялась себя
И счастлива была
И росла семья

Трав и деревьев
На самом последнем
Маленьком небе

И страха хотела
Вот и страх
Дома на небесах

Семья

Они другие
Не такие как прежде
Душа и тело

И сами не ведают
Что с собой творят
После того как

Друг от друга спасутся
И душу отпустит
Плоть от себя

И снова обратно
Её позовёт
К себе и в душе

Вдруг наступит
Неминуемое неведомое
Ни ей ни телу

Гулкое и бесшумное
В тишине бессердечной
О если бы не было

Ни души ни плоти
Только дни и ночи
И ты господи

Любовь

Бойтся без тела
Остаться душа
И стоит тишина
И осень не поздняя

Далеко ли до осени
Солнцу высокому
Низкому небу
И тихо и тени

Гаснут и тьма
Теням не страшна
И каждая из них
Ярче тьмы

И разве ты
Господи не тень
Того кто к себе
Звал тебя

И боялся себя
То плоти своей
То души возьми
Душу и плоть

И будут с тобой
Утром и днём
Вечером ночью
И не были кто он

Тот одинокий
Господи в покое
Оставь его
Не разлучай с собой

Не встречай и прочь
Маленького не гони
И к губам поднеси
И дыхание останови

Родители

Осталась до утра
В небесах звезда

И светила днём
И в ночи и гром

На звезде гремел
Тишина стояла

И гроза сияла
Не было грозы

И свет был
И кружил в лучах

Невидимых и мрак
С кончиков лучей

Горсточкой летел
Огоньков к земле

И зачем душе
Прятаться от мрака

И душа не стала
От него спастись

На последнем небе
И оно купало

В капельках души
Ангелов земных

Пятидесятница

До озера далеко
До реки близко
И дождь идёт
И вытянутые лица

Капель дождя
Погружались в себя
То одна то другая
Капля бежала

По небу и туч
Не было ни в грозу
Ни в гром и облаков
И чистое небо

По лицам струилось
Дождинок и снег
Клубился в дожде
И грезила наяву

Дева и своему
Младенцу в глаза
Не смотрела она
И не смела поднять

Глаз на него
Не спала и его
Видела во сне
И был не с ней

Сын и свой
Видел сон
И жили одной
Сны семьёй

Сына и её
На маленьком самом
Небе последнем
И сердце болело

Венчание

До последнего дня
В теле душа

И после него
Тоже в нём

То под дождём
То под снегом

Вот и последний
День на земле

И дева себе
В лугах собирает

Мария цветы
И в них свои

Прячет глаза
И вся в цветах

В лёгкой прохладе
На ложе мама

К сыну ложится
И ни души

Ты прости
Меня жена

На маленьком самом
Небе в последний

День невеста жениха
Ни тебя ни меня

И наша семья
Снегиря снегиря

Вижу и ужасаюсь

Господь плоть
Дал и душа

Стала ничья
Ни в теле её

Ни на небе боже
Кто ты

Вот твой ребёнок
Он не такой каким

С тобой был
И полн любви

К тебе и о судьбе
Не ведает сын

Своей и жив
Одним днём

И мария его
Забирает из дня

И за мамой дитя
Прячется от себя

И глаза горят
Сына и взгляд

Невидим глазам
И летит тишина

От земли к небесам
И небо летит

К тишине вниз
Дева ты

Кто и с собой
Одинок и с тобой

Вольному воля
И всё что происходит

С твоим сыном
Проходит мимо

Него и плоть и душа
Небеса и земля

И зима и весна
Лето и осень

И не с кем ребёнка
Оставить и так далее

Как есть так и есть
Не на небе не на земле

Как весточку о себе
Телу и душе

Счастье

Воздухом одним
Плоть золотым
Дышит и облака

И дожди и листва
И тропинки дыхания
Разбегаются в разные

Стороны от незнакомой
Плоти вот и осень
И одна и та же

Душа на каждой
Дорожке и прожит который
День телом ещё

Ни с этой ни с той
Не вместе душой
Сердце стой

Остановись спрячься
От судьбы на самом
Последнем небе

Осеннее сердце
В золотом домике
И тобой прожитое

Снова к тебе
Немного не тем
Вернётся прошлое

Твоё не бойся
Прошлого и остановишься
Во-время во-время

Любовь

Под защитой своей
Души и девы
Марии победил
Сын себя

И не прожил ни дня
Он в мире с собой
Возвратился домой
На небо оно

Встретило его
И день прошёл
Третий с того
Дня как душа

Маленького оставила
И мама и плакал
И страшная тишина
В доме стояла

То громко стучало
Сердце то тихо
И не происходило
Ничего ничего

И был одинок
В третьем дне
И на землю хотел
Вернуться из дня

И мучал себя
Ожиданием встречи
И стучало сердце
От счастья и не было

Мучений и подступало
Стечение обстоятельств
Не на небе душа
И не в теле она

И не на земле
В третий день
И дева душе
О себе о себе

Вид на жительство

Лёгким о плоть
Касаньем душа
Оставляет не сразу
Тело своё
И медлит оно

Её отпустить
И строит для души
Около себя
Домик и ждёт
Она пока

Его не построит
Далеко не уходит
И ждёт и морозный
Воздух пьёт
И проходит ночь

И день и душе
Негде своей
Головы преклонить
И уйти боится
Боится не возвратиться

Длится и длится
Строительство домика
Не ты ли господи
Строил такой же
Осенью осенью

Дивеево

Явилась себе
Мария во сне

Своего сына
И спросил марию

Что происходит ребёнок
С прошлым твоим
И строит для души

Плоть после того как
Душа оставила тебя

И разве расставание
С душой разочарование

Тела в душе
Души в теле

И дева в лице
Изменилась родился

Крик и скрежет
Зубовный и ровно

Мама дышала
И не видела дева

Ни лика ни глаз
Своих она

И в ад сошла
И страдала в аду

У себя на виду
Улыбалась лицу

Своему и очам
Ждала и ждала

Молитва

Прячется душа
Сама от себя
Обретает она
Тела черты
Не есть не пить

У плоти не просит
И домики строит
Во плоти ни в один
Не входит и город
Под сердцем растёт

И дева с ребёнком
По городу бродят
И никого кроме
Марии и сына
Ни души строительство

Не останавливается небеса
Расцветаю цветами
На городской площади
Носятся по воздуху
Солнце звёзды

И камень на камне
Цвета радуг
Стена городская
В цветах ворота
И мама ребёнка

Прижимает к себе
Страшно ей
На самом последнем
Маленьком небе
И разве последнее

На коня бледа
Мария взлетает
Сын прижимает
Деву к груди
И сердце стучит

Как копытца коня
То дождинки летят
То снежинки в крылах

И впервые ад
Увидел конь

И они с конём
Впервые увидели
И были нитями
Дождя в аду
Морщинками вокруг

Очей ада
Дева маленький
И снег очами
Молитвы был
И вышел сын

Из ада оставил
Там маму
Рано светало
От первого снега
И не ведал что с девой
Творит и любил

Праздник

День опять
Повторяет себя

Отворяется дня

Сердце и в нём
Светлей чем днём

И солнце в слезинках

Зрячих горит
И тишина стоит

Дыхание затаив

Стоит тишина
Ни души когда

Мама жива

И купает коня
Чёрного конь

Тишиной полн

В звёздах лоб его
Ни одна звезда

С лба не спадает

В глазах не погасает
И жива мама

Она купанием

Коня занята
И капли летят

С него на неё

Нагую целуют
Капельки капельки

Маму купается

В чёрных и сын
Всё видит

Россия

Где вы подлунные
Невесомые совы
День как скорлупка
По речке лесной

Тянется стайкой
Камешков к морю
Душа за душою
Плоть за плотью

По чёрному полю
По белому лесу
И небо от света
Осеннего выше

Деревьев и листья
Лежат на камнях
И камни кружатся
И рядом ложатся

С листьями и между
Камешками речка
Как в траве осенней
Сердце кузнечик

Успеть бы в детство
С последнего неба
Маленького самого
С мамой и папой

Возвратиться обратно
К листьям камешкам
И бродить прятаться
От себя и ласкать

И так далее

Иисус на кресте
Прикоснулся к себе
Не было больно
Несколько снова
Раз прикоснулся

На землю сошёл
С креста и вдруг
Себя встретил
Стояли вместе
Висящий и сошедший

Молчали доверившись
Друг другу
В тишину и губы
Их шевелились
Клубилось дыханье

Душ над телами
И муж улыбался
Мужу ни один
Не чувствовал победителем
Над собой другого

И сошли в ад
И жили там
Душа в душу
Не выходя наружу
И однажды оттуда

Из ада вышли
И ждала мария
Изменились тела
И души в аду
И вернулась к кресту

Мама

Перелётная птица
Поёт снежинка
Себе в тишине

Белой как снег
О если бы нигде
Не быть повстречать

Однажды себя
Душа не душа
Тело не тело

Белее снега
Они окружили
Сначала потом

Достались другому
Тебе ли господи
Деревне озеру

Речке лесной
Вместе с тобой
Молимся боже

В домике кто ты
Спускаемся в ад
Таем в объятиях

Друг друга
В аду и растут
Снежинки над нами

Помолись и расстанемся
Продлим расставанье
Увидим маму

Монах

Спаслись один
Не спасся душа
Рядом плыла
С ним родники
Из души били

Пил он
Родниковую воду
Дома у него
Не было прочь
Гнали спасшиеся

Брата и себя
Сами спрашивали
За что гонят
Провожают взглядами
И глаза прячут

Уходя уходи
Говорят и молчит
Брат братья
В дома возвращаются
Свои ждут

Марию ему
Она мама
Украшают цветами
Ложе её
Водой родниковой

Поят и капли
Ловят губами
Господи счастье
Твоё не твоё
Память о нём

Твоя не твоя
Там ад
В памяти о счастье
И так далее
По капельке по капельки

Дивеево в декабре

Белее света
Снег на стеблях

Лилий снежинок
Ты ли сын мари

Отвечает не я
Ребёнок её

И тонкий лёд
Как домик тепло

В домике том
Нежно и снежно

Деве с младенцем
Держится крепко

Он за неё
Не гонит его

Только зовёт
К себе сына

То девять снежинок
То три то сорок

Сын приносит
Маме она

Не знает куда
Себя деть

От маленького на земле
На небе последнем

Здесь в сердце
И сейчас мама

Как вчера родила
Иисуса сегодня

Свернулась клубочком
К глазам понесла

И сразу глаза
Отвела снежинки

Сверкали в ресницах
Дьявол марию

Искушал купалась
В объятиях дьявола

Встречалась и разлучалась
С бесом дева

Холодела теплела
Саронская лилия

Господи возврати
В дивеево серафима

Монашек дай батюшке
И так далее

Близость

В поисках прошлого
Ждёт приговора
Дева себе
Мария от сына
Ещё бы разок
На озеро к речке
Лесной до встречи

С ребёнком и дрожь
Струится по телу
Марии девы
Кто он теперь
Господи ей
Самый родной
Там где одной

Не расстаться с собой
Не остаться не спрятаться
От себя маме
Душа оставляет
Маму и тело
Не навсегда на время
На самом последнем

Небе оно
То в день то в ночь
Погружается сын
Отражается в них
Входя в иерусалим
Тонок как сон
Над озером звёзд

И в речке созвездья
Как деревья светлеют
Ни назарета ни вифлеема
Ни леса ни неба
Зимой под луной
И белее белого
Снег как молодой

Осёл ослица
Чёрная снежинка
То немного позади
То впереди ослика
Повремени господи

Не сразу в землю
Сначала в деревню

Декабрь

Присутствия чувство
Возникает от счастья

Затеряться на самом
Последнем небе
В просвете между

Душой и плотью
В оба окошка

Глядеть снаружи
Ни тело не обнаружит
Взгляда ни душа

Как же хороша
Жизнь когда

Невидимое для тебя
Тенью оборачивается
Твоей и отворачиваешься

От себя спускаешься
В ад утешаешься

Маленьким адом
И душа рядом
И плоть в аду

Крошечном и радуги
В нём огромные

Как после погрома
Еврейского дети
К тебе по снегу

Господи в горницу
Босиком к апостолам

Девочки мальчики
В огне и пламя
Как снег под ногами

В декабре у мамы
День рождения

И у папы в декабре
Сейчас и здесь
Занавесь занавесь

Молчание

Тишина наплывает

Она обжигает
И судьба провожает

Жизнь в тишину

К родителям и зовут
Прости своему

Телу душа

Себе не прощай
Стечения обстоятельств

Встреч расставаний

Реже и реже
С телом встречайся

Не участвуй

В судьбе тела
Только в жизни

Участвуй плоти

Не проси не бойся
Не печалься не заботься

Стучатся к вам гости

Открой гостям
Горницу душа

Стол накрой

Господу он
Один из них

С ними мария

Дева и на столе
Хлеб вино

Как тени за окном

Хлеб и вино
И молча ребёнку

Мама вино

Твоя кровь
Хлеб тело

Пей ешь

Таись и молчи
Не зови в свои

Сны мои

Услышь и проснись
Убийца своих

Снов маленький
Горьких сладких

Не тревожь и занавесь

Церковь

Теплеют деревья
Как только снежок
На лёд упадёт
Длится тропинка

Снежинка ветвится
В прозрачном лесу
И камни растут

В озере звонком
Зелёные жёлтые
И тот который
Камешек алый

Смещается вправо
И влево смещается
Между камнями

Не прикасаясь
Ни к жёлтому ни к зелёному
Кто же после
Рублёв тебя

Придёт собирать
Цвета и разбрасывать
Не имеющих отношения

К смешению красок
И смывание алой
Краски с зелёной
Захватывает как обладание

Жёлтой в обстановке
Приятия пятен
Квадратиков разнообразных

Кружков треугольников
Сходим на озеро
Монах с утра

Потом ночью
Снова ходим
Друг с другом
В лесу заночуем

Прозрачном зимнем
Как себя змия
Искусителя увидим

Тропинку тропинку
Сын и мария
Дева со змеем
Не на земле не на небе

Квадратики квадратики
Кружочки кружочки
Треугольники треугольники

Во сне тонком
И деревня как ёлка
Шишечки шишечки
Изб на последнем

Невидимом небе
И ни души в деревне
Тихо как в церкви

Симеон

Мария ребёнка
К исповеди готовит
И на сына сходит
Облако и около

Мамы останавливается
И занавесь рассыпается

Ниточка за ниточкой
Как дожди по небу
Ступенька за ступенькой
И прядка как капля

Снежинка как красиво
Рассыпала цветы
Пряди и пряди
Сны свои тонкие

В храме иерусалимском
Мама по сыну

И в снах купается
Она и отца
Дарит ребёнку
И прячется россыпи

Отцов тишиной
Оборачивается молчанием

Происходящего чаянием
Несбыточного приливом
Сил потерей
Души и тела

Близость

К просьбе о помощи
Ребёнка готовит
Мария дева
Помоги себе
Сам она

Молвит сыну
Молча и слышит
Он её
Не отвечает маме
Различает и не различает

Голоса своего
После всего
Что произошло
И ещё не случилось
С его любимой

Марией и тихо
Да так
Тишина близка
Себя не узнать
И любовь к себе

Ночью как снег
Днём как дождь
Всё пройдёт господи
Не бойся не проси
Сойди облаком

На марию увидь
Сны мамы
Ледяные влажные
Подойди снами
Тропками тропками

Дождями снегами
Тайными к маме
Не спрашивай и ласкай
Наступай отступай
Прячься от сна

Её в свой сон
Вот и любовь
Вдруг ниоткуда

Наяву не отсюда
Зову и не убыл

В молитве иисусовой
Был чувствовал
Почти присутствовал
Как разошлись утром
Наслаждался сжимался

В молитву резвился
Плясал пел
Маленький как умел
И неумение обрачивалось
Стечением обстоятельств

Монастырь

Делит душа
Тело на маленькое
И большое на своё

И чужое делит
Плоть ощущениями
Счастья не оставаться

Ни на чьей половине
Медлит в нерешительности
Домик построить

Себе отдельный
На небе последнем
И чтобы в окошках

Домика звезды
Солнце луна
И как норка земля

Около дома
Скоро ли господи
В норку позовёшь

Сотканную из звёзд
Солнца луны
Как в тонкие сны

В декабре

Память о счастье
Оставляет всякое
Попечение о переселении
Поступков иисуса
В область свободную

От плоти с душой
В пространство не занятое
Самообладанием
В град тенистый
За стенами мария

Дева на стенах
Лес в лесу
Снег и в снегу
Проталины лоза
Виноградная проталина

На кровлях града
Двадцать шестого
Декабря мама
Первого отец
В декабре в декабре

Рождество

Сторонится дева
Сына и места
Себе не находит
И с ней происходит
То что ещё не произошло

Ни с плотью её ни с душой
И в деве восходит
Солнце и гонит
Душу и тело
Как тучки по небу

Негде ей
Головы приклонить
И кружит сын
Над мамой круги
Сжимаются и она

Проживает в кругах
Одну за другой
Жизни свои
Утро и ночь
День вечер

Тихо мария
Ни зимы ни весны
Ни лета ни осени
Ни медного ни золотого
Ни серебряного ни железного

Деревня и озеро
Как островок между
Рекой и деревней
Колодцами избами
Перелётными птицами

Декабрь

Мария ребёнок
Вышли из сосен
Остановились смотрят

На зимнее поле
Не ночь и не утро
В поле фигурка

К ночи светлеют
Её движения
И светлеющих смещение

Движений по снежному
Белому белому
Полю в сторону

Чёрного чёрного
Соснового леса
Ни облика не имеет

Ни склада вчера
Родилась мама
Душа повторяла

Движения тела
Фигурки новорождённой
И в присутствии плоти

Расставалась душа
С разглядываниями себя
И занавесь и декабрь

Январь

Жизнь доживает
За сына мама
Один погасает
День другой

Дева живёт
В днях погасших
Иду на тебя
Иисусу она

Войско собирай
Против меня
Раскинь объятия
Распусти армию

По домам и опять
Собери свои дни
С земли луны
Солнца звёзд

Сорок и ещё
Девять три
В россию окружи
Сын давидов

Себя днями
Сам не участвуй
В судьбе дней
Ни в дне женихе

Ни в невесте дне
Тени на тебе
Жениха и невесты
Солдатки и солдата

Оставь всякое
Попечение о себе
Стечению обстоятельств
На небе последнем

Дева не дева
Ты не ты
Ни души затворись
В январе и занавесь

Исповедь

Только хорошее
Помнит непрошенный
Гость не помнит
Он плохого
И то что происходит

С ним чужим
Себе самому
Сердцу своему
Плоти душе
Происходит в сердечном

Родстве с телом
Своим и душой
Простись с собой
Отпусти плоть
Душу сердце

Пусть встретят
Друг друга
На самом последнем
Маленьком небе
И вернуться оттуда

И снова туда
Добрые зла
На тебя не держат
Участвуют в судьбе
Твоей и незваная

Доверчивая недавняя
Движения повторяет
Вытянутых лиц
Жизней твоих
Как красиво цветы

Легли разбросаны
Ослицей и молодым
Ослон господи
Пойдём домой
Никого в нём

Святки

Январь и в лесу
Яблони цветут
Дикие вишни
Неуловимая тишина

Стоит острова
Тишины островки
В душе то вверх

То вниз один
Островок под землёй
На земле другой
И небо как золотое

Яблочко косточки
В золотом вишнёвые
Сторож ли плоти

Душа в рождество
И когда родство
Тела души
Убежище детство

Утешение на время
Не навсегда тогда
Внезапная страсть

Возникает между
Ласками и неумением
Ласкать стечение
Обстоятельств красок

Оттенков желанья
Сдерживает маму
Распаляет маленького

Блаженство

Просит деву

Ребёнок отдельно
От сына пожить

Любимого и пронизывает

Её холод ещё не прожитой
Жизни иисус

Неумолим утром

Ночью покорен
Что с тобой происходит

Мама спрашивает

Маленького и участия
Она не принимает

В вопросе своём

Отцовском и сын
Проводит с марией

Ночь до утра

И совы кричат
Солнце восходит

На высокую гору

На вершине стоит
Горы и летит

Над горой сова

У неё голова льва
Над головой радуга

И громкий голос

Как рыкает лев
Не ты ли мне отец

Восклицает маленький

Голосами совы
В объятиях ночных

Утренних радуг

Иисус маме
И ему отвечает

Не я и не спят

Обрезание

Из прошлого снег
Дождик из прошлого
Мороз солнце

Засуха гроза
Роса туман
Лесное эхо

Ручеёк речка
Уйдём тесно
На небе последнем

Мне и тебе
Жене моей
Подруге без друга

Душу испугнуло
Тело душа
Слетела опять

И сердце стучать
Не навсегда на время
Перестало младенец

Не спал обрезали
Крайнюю плоть
Маленькому он

В ад сошёл
Вышел из ада
Ни души одна ты

Канавка

Ветер развеял
Снег по реке
Эхо по лесу
И не было ветра

Деревьев веток
Волн берегов
И окошко росло
Далёкое в нём

Радуги плыли
Кораблики синяя
Голубая радуга
Паруса поднимались

Радуг и отворялись
В парусах окошки
И река запорошенная
Снежинками шире и шире

Синие голубые
Распахивала крыла
И чайки кричали
Кричала сова

Обретала душа
Тела черты
И тишина стояла
Светало из тишины

Не убывало света
Не прибавлялось и тело
Прижималось тесно
К душе в тишине

Тесней и тесней
К ней и канавка
То слева то справа
То сверху то снизу

И дева серафима
Серафим ли ты
Вопрошала сестра
И стяжал себя

Сам себе
Бесстрастный как тень
Своя старик
И страшно в тени

Ему своей
За сестру и страшной
Сестре за него
Свидетельствовать облачку

Дыхания сейчас и здесь
Маленький тебе
И не тревожить тени
Облачка сном тонким

Ни душой ни плотью
Комочками радуг
Совой чайками
Голосом мамы

Крещение

Деревня спит
И снег с луны
К земле летит

И свет горит
В домах не гаснет
С утра он ещё ярче

И тайные счастья
Подробности ровность
Отношений между

Лесами полями
Бабами мужиками
Разбивает сердца

Счастливых невидимым
И мария у сына
Кто здесь

У него дева
Вопрошает луна
Не прячет лица

Дичают глаза
Лунные и опять утро
В ледяной горнице

На самом последнем
Маленьком небе
Там за деревней

Дураки

Светится камешек
В речку катится
С белого берега
И небо светлеет

Деревня до неба
Избы дымки
Ни души в деревне
И малыш деву

Просит прочь
Уйдём из неё
В город потом
В поле из города

С тобой вернёмся
Костерок сложим
Ни волка возле
Нас ни пса

Одиноко вдвоём
Нам у костра
Разве нельзя
Уйти в никуда

Сын спрашивает
Маму по-собачьи
По-волчьи ребёнок
С последнего неба

Где мы мама
И светится камешек
Между собакой
И волком в тонком

Сне как снег
На луне на солнце
Белом и кто кроме
Нас о себе так

Холокост

Вьюги поют
По-разному каждая
О своём иногда

Друг о друге
Поют вьюги
И тогда память легка

По окраинам памяти
Колокольчики звезды
Зимой вдоль дороги

Зимней на небо
К родителям белым
Как снег по земле

И доверие к себе
На небе последнем
Мама и папа

Пока обретают
Тишина вползает
Им в гривы

Снежинки диким
Коням и зима
Седая как камень

Папе и маме
Звенит как копытца
В гривах снежинок

И близость она
Тишины танец
Луны звёзд

Маме и папе
Дана не навсегда
На время неуверенности

На последнем небе
Встречи тела
С душой в холокост

Прогулка

Озеро как облако
И плывёт по озеру

Солнце голубое
Вот оно какое

Это не последнее
Здесь и сейчас

Небо до утра
Бабочки стрекозы

Ласточки стрижи
Разве уже ночь

Мотыльки ночные
Душа и плоть

И так далее
Отпоёт мотыльков

Плоть и душу
Поле прогулку

Души и тела
С земли на небо

Отпусти мария
Сына восвояси

С ним не расставайся
Жди не прикасайся

К ледяному сыну
Ни к себе горячей

Действуй и счастием
Себя окружай

Собирай урожай
Снежинок с листьев

Трепещи не бойся
Отзовись тонкому

Сну своему
Очутись в лесу

Тонких снов
До сына дотронься

Ледяного горячая
Стрижами ласточками

Стрекозами бабочками
И снова расстанься

Не печалься радуйся
Расставанию мама

Улыбайся сейчас
И здесь во сне

Иконка

Веточка на ветку
Ложится лист
На листок в безветренную
Землю зимнюю
И летит под землёй
Жизнь как в густом
Лесу и крошечные

Комочки земли
Растут и растут
Глубже и глубже
Минуя друг друга
И губы в поцелуй
Сливаются комочков
В раскатах грома

И всполохи грозы
Из плоти и души
После зимы
Как тонкие сны
Переходят в иное
Состояние и сияние
Снов ещё ярче

В лесной чаще
Камешков камешков
Давайте радоваться
Мама папа
Расставаться внезапно
Кричать ау
Забавлять тишину

Криками проснитесь
Смешайтесь в разных
Постелях радуг
Фиолетовых оранжевых
Жёлтых зелёных
Голубых синих
Красных на самом

Небе последнем
И ветер развеет
По радугам вас
Когда же тишина
Не на долго вернётся

Снег упадёт около
Тишины и границ

Не нарушит между
Утром и вечером
Ночью и днём
Распахнёт широко
Свои крылья
Над сыном мария
Защитит сына

Сама от себя
Бывает и так
Маленький маму
Одoleвает страхом
Иисус деву
Свою ощущением
Присутствия ужаса

И крылышкует лунный
Утренний свет
В лесу как в звезде
Солнышко лесное
Глубоко под землёй
И город строит
Отец на земле

Домиков троица
Прочь из города
В лес как во сне
Оставляя отца
Ставни закрывать
Заколачивать двери
Доживать за ушедших

Жизни их
Шары треугольники
И застигнуть в горнице
Ледяной своего
Ребёнка с мамой
Сравнивать и окружать
Прятаться воображать

Монашка

Ровное поле
Снежное белое
Как огромная лодка
В лес и из леса

И лодки свободна
От плоти душа
И вёсла лежат
Как в поле снежинки

Видимо не видимо
Снежинок то зимних
То весенних то летних
То осенних на небе

Маленьком самом
И прекрасная дама
Обнажённая переходит
Поле и нагота

Очи уста
Дамы дыханье
Тают и тают
И ладья выплывает

Из уст очей
В тишину и прекрасная
Дыханием наслаждается
Очами устами

Чудится себе
В поле в лесу
И больно своему
Ей чувству довериться

Везут к ней царевича
Звонят повозья
Удила как звёзды
И подохла солому

Монашек

Голосом солнце
Поёт высоким
Низким лучи
Ни души камыши

Около льда
Тонкого в камышах
Тропинка звенит
И слышно как лист

Падает в реку
Из прозрачного леса
Ни тумана ни ветра
Шорохи шорохи

В стороны тропки
Разбегаются чаща
Лесная прозрачна
В чаще царь

Давид щит
Царя и копьём
Разбивает лёд
На своём щите

И живёт в нищете
На ледяной реке
Сам с собой он
И без себя монашек

В чешуйках кольчуги
Воздушной и ниоткуда
Ворон форель
В клюве и снег

Жена

Было и не было
Не было и было
Остановилось девы

Марии сердце
И она себя
Живая к губам

Своим поднесла
Очутилась в неведомом
Мария дева

Ни отца ни сына
Рядом одна
И своя не своя

Память о них
И ангел стоит
Напротив неё

Простой мужичок
Ни меча ни копья
У мужичка ни щита

Глаза ангельские
Разглядывает и разглядывает
Деву и с ним

Дети один
Ребёнок иисус
Другой иуда

И дома послушная
Жена ждёт
Дыханье её

Монастырь

Идёт дождь
Дождинка одним

Днём живёт

Под мостом плывёт
Плот никого

На плоту на мосту

Никого ни души
И дождь шумит

По реке и рассвет

Ленточкой ниточкой
То вверх то вниз

С реки по ветру

И узелки на ленточке
По принципу незатейливому

Собираются в стайки

Как земля и самое
Небо последнее

Ни души и небесная

Ниточка мостик
Ни грозы и ни грома

Как мотыльки наколоты

Гром и гроза
На солнце луна

Трепещет и крылья

Луны на третий
Девятый сороковой

И быта не было

И был быт
Солнечный лунный

По капельке он

В перепелах в манне
Выпадал на равных

С мертвецами вместе

На кладбище еврейское
И возвращались домой

Папа и мама
И как бы участвовал

Ангел в возвращении

И не участвовал ангел
Не препятствовал и мутнели

Очи ангела

И маму останавливал
Останавливал отца

И не чаял когда

Как дождь остановится
Сон тонкий

Перед причастием

Ночи светлее
Ночное небо
И прожитое днём
Снова на другой

День повторяется
Тело самоопыляется
Душой и меняются
Местами с ночами

Дни и впереди
Прошлое позади
Будущее утро
И от способности жить

Способность не жить
Восходит к любви
Луны к солнцу
Солнца к звёздам

И робкая ночь
Гонит прочь
Себя страшную
И встречаются однажды

Страшная с робкой
Запросто на самом
Небе последнем
В тереме в теремке

Ни дверей ни стен
Ни окошек и новорождённый
Ребёнок в яслях
И окна глядят

Стены двери
Окно в окно
Стена в стену
Дверь в дверь

Как младенец себе
В глаза до утра
Как же пестра утрата
Мамы и папы

Любовь невыносима
Отцовская материнская
Новорождённому сыну
И сном спит

Глубоким с отцом
Тонким с мамой
Недотрога и то счастлив
Маленький то несчастье

После причастия

Улыбается мама
И маленький улыбается
Улыбкой мариин
Сын давидов
И дышат одним

Воздухом счастливы
На сороковой девятый
Третий день вместе
И сердце девы
Бьётся в груди

Ребёнка как рыба
Кит и в ките
Мария во чреве
Кита она
Счастлива и беспечна

Как кораблик на самом
Небе последнем
И лестница то вверх
То вниз и морячки
Ангелы на каждой

Ступеньке успеть бы
Расслабится на кораблике
И так далее
В предвкушении ощущения
Трепетного и не спешного

Снег

Белое одно
Другого белого
Отенок и ощущение
Холода отношения

Не имеет ни к зиме
Ни к весне ни к лету
Ни к осени ни к плоти
Ни к душе и разногласица

Дня и ночи
Купается в роскоши
В россыпи двойников
Сына и девы

Марии и перемены
В отношениях между
Двойниками не ведают
Что творят

С ребёнком и мамой
Перемены на самом
Небе последнем
И в землю невеста

Ложится любимый
Жених из земли
Вышел освободил
Невесте место

Под землёй он
Из земли вышел
Она вошла
В горницу белую

В бездонное озеро
Обнажённая нагая
И громко стучало
Невесты сердечко

На небе последнем
И к себе недоверие
Испытывала и воспитывала

Себя одиночеством

Ласкала как ребёнка
Сама себя
Наслаждалась собой
Как глубокий сон

Тонким и просыпалась
Во сне двойнике
Дева своём
И снег шёл

Еврейское кладбище

С неба на землю
Перелетает память

Косы её холодные

Ресницы длинные
Тёплые очи

Днём и ночью

И разбивает сердце
Случайная встреча

С памятью внезапная

Близость к границам
Дозволенного облику

Не дозволенного подобию

И плывёт облако
На память наплывает

И она пропускает

Сквозь себя
Облако и стена

Между ней и небом

И в росе серебряной
Золотая роса

Отражается и небеса
От росы до росы

Мостки и шаги

По шатким мосткам
И опять тишина

У памяти на устах

В клювиках птичьих
Чувственных и невидимое

Доступное длится

Как утро в пустыне
Еврейской и места

Себе не находит

Ощущение своего
Ни в теле еврейства

Ни в душе ни в тишине

Ни в перепелах ни в манне
Ни в маме ни в папе

Ни в ямке на самом

Небе последнем
Ни в избушке на курьих

Ножках в востряково

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.